

В те дни, как все везде в разгулье:
 Политика и правосудье,
 Ум, совесть и закон святой
 И логика пиры пируют,
 На карты ставят век златой,
 Судьбами смертных пунтируют,
 Вселенну в трантелево гнут;
 Как полюсы, меридианы,
 Науки, музы, боги пьяны,
 Все скажут, пляшут и поют;
 В те дни, как всюду ерихонцы
 Не сеют, но лишь жнут червонцы,
 Их денег куры не клюют;
 Как вкус и нравы распестрились,
 Весь мир стал полосатый шут,
 Мартышки в воздухе явились,
 По свету светят фонари;
 Витийствуют уранги в школах,
 На пышных карточных престолах
 Сидят мишурные цари...²⁸

(«На счастье»)

В стихотворении Державина масленичное шествие распространяется на всю вселенную («вселенну в трантелево гнут»), не довольствуясь сценой городских площадей. Оно не локализовано в пространстве, вызывает общие для Державина и Заболоцкого перевернутые образы, разрывает причинно-следственные связи, выстраивает в один ряд разобщенные факты действительности.

И у Державина и у Заболоцкого противоположные стороны явлений примиряются, причем эта антитетичность образов выплескивается за пределы собственно зрелищных стихотворений, охватывает творческое мышление художников в целом,²⁹ определяет его эстетический тип. В «Фонаре» Державина калейдоскопически сменяются картины бытия, рождение одной из них вызывает гибель другой. «Не обавательный ль, волшебный, Магический, сей мир, фонарь?»³⁰ — вопрошает поэт. Семантическая конструкция этих стихов явственно напоминает карнавные «превращения». Показательно, что сходный по структуре образ встречается в поэме Заболоцкого «Торжество земледелия». Там мы находим тот же «жизни огненный фонарь» (272).

Вообще же Заболоцкий не пренебрегал более или менее открытыми «заимствованиями» из державинских од. В поэме

²⁸ Державин, т. I, стр. 248—249.

²⁹ В поэзии Заболоцкого карнавальность отчасти перекинулась и на природу. Это придало его натурфилософской лирике неожиданный оттенок, ранее незнакомый русской поэзии.

³⁰ Державин, т. II, стр. 470.